

Глава 15. Долгожданная встреча в городке Лазурного Омута

Пейзажи южных городков Цзяньнани всегда славились своей акварельной красотой, заставляя путников забывать о течении времени. Те Сюань и его спутники не спешили. Сначала они провели несколько часов в пути на повозке, пока не достигли городка Лазурной Реки, что находился по соседству с их целью. Обустроившись на новом месте, он в сопровождении Цинь Ваня отправился разузнать о лекаре из Лазурного Омута, в то время как Чжэньчжэнь осталась в трактире присматривать за вещами.

Городок Лазурной Реки в сравнении с Янчжоу казался совсем крошечным — его можно было обойти вдоль и поперёк всего за день. Цинь Вань не стал допытывать расспросами каждого встречного; вместо этого он заводил неспешные беседы с простодушными горожанами о местных красотах и как бы невзначай переводил разговор на порядки в Лазурном Омуте.

Местные жители оказались людьми открытыми. От них Те Сюань узнал, что Лазурный Омут ещё меньше этого городка. Путь туда занимал около двух часов по воде, и лодка между поселениями курсировала лишь раз в день. В том Омуте был всего один лекарь по имени А-Ю, который время от времени наведывался сюда за лекарственными травами.

Стоило спросить, что за человек этот А-Ю, как на лицах горожан проступало сочувствие, смешанное с досадой. Из их слов Те Сюань понял, что А-Ю — тихий и скромный молодой человек. Его любили за кроткий нрав, доброту и редкое врачебное искусство; многие даже подумывали выдать за него своих сестёр или дочерей.

Однако была одна беда: у А-Ю был брат по имени А-Цин, совершенно повредившийся рассудком. Иногда А-Ю брал его с собой в город за покупками. Многие видели А-Цина — он был даже краше брата, но то впадал в мрачное безмолвие, то вёл себя как дитя. Несчастный был безумен, и не на шутку. Некоторые смелые девицы поначалу пытались втереться в доверие к А-Цину, надеясь через него подобраться к лекарю, но тот так их пугал, что бедняжки в слезах и с растрёпанными волосами в ужасе бежали домой. Со временем, хоть втайне многие и вздыхали по А-Ю, приближаться к нему больше никто не решался.

Лишь когда А-Ю приходил в город один, у девушек появлялся шанс перемолвиться с ним парой слов. Впрочем, и сам лекарь отличался холодным и отстранённым характером. Если к нему обращались за помощью, он был учтив, но стоило кому-то дурно отозваться об А-Цине, он тут же менялся в лице и обрывал разговор. Мало-помалу свахи и невесты оставили свои надежды.

Выслушав всё это, Цинь Вань с улыбкой повернулся к Те Сюаню:

— А лекарь-то твой, похоже, с характером. Весьма любопытно.

Те Сюань, ощущая в кармане тяжесть шёлкового мешочка, доверенного ему Тысячеруким Буддой, смущённо кашлянул. Раньше он и помыслить не мог, что предметом страсти старого господина Цяньфошу окажется юноша, и сгоряча пообещал навестить его. Впрочем, даже знай он правду заранее, всё равно не смог бы отказать — ведь это была последняя воля

умирающего.

Пусть Тысячерукий Будда и не выглядел стариком, по его собственным словам, он вечно носил маски и однажды сильно обидел А-Ю. Скорее всего, тот не слишком жаловал покойного мастера Мяошоу Кункуна. Неудивительно, что Тысячерукий Будда осмеливался лишь раз в месяц украдкой любоваться дорогим ему человеком. Те Сюань и сам начал всерьёз опасаться, что А-Ю выставит его за дверь прежде, чем он успеет вымолвить хоть слово.

Цинь Вань пребывал в прекрасном расположении духа, явно заинтригованный. Но он не знал, что Те Сюань пришёл сюда по просьбе Цяньфошоу навестить его возлюбленного. Как бы он отреагировал, узнай правду? Те Сюаню стало не по себе. Он уже начал жалеть, что взял друга с собой.

— Кем приходится этот А-Ю покойному старшему господину Цяньфошоу? — внезапно спросил Цинь Вань, доставая монеты, чтобы расплатиться с уличным торговцем.

Сердце Те Сюаня пропустило удар. "Пропал!" — мелькнуло в голове, но он заставил себя ответить как можно небрежнее:

— Ну... точно не знаю. Наверное, друг какой-то...

Цинь Вань отдал деньги и принял из рук лавочника пакет с жареными паровыми булочками. Аппетитный аромат заставил Те Сюаня сглотнуть слюну.

— Друг? Хм. Уж очень они разные для друзей. Любопытно, всё более любопытно...

Те Сюань окончательно стусеивался, но всё же попытался возразить:

— Мы с тобой тоже разные, но разве мы не братья?

Возможно, из-за бесхитростных нравов маленького городка Цинь Вань позволил себе расслабиться — в его движениях появилось больше вольности и изящества. Он уже поднёс булочку ко рту, но вдруг помрачнел. Рука опустилась, пакет с едой зашуршал в пальцах.

— Хм, — коротко отозвался он.

Его взгляд мгновенно стал холодным и отрешённым, чего Те Сюань никак не мог взять в толк.

Весь остаток пути Цинь Вань хранил мрачное молчание. Те Сюань, узнав всё, что хотел, и видя перемену в друге, тоже потерял охоту к прогулкам. Они вернулись в трактир в тягостном безмолвии, чем немало удивили Мо Чжэньчжэнь.

Этот вечер стал их первой настоящей размолвкой. Те Сюань считал, что для недовольства Цинь Ваня не было ни малейшего повода. Хотя он и не любил споров, беспричинная холодность друга — а ведь это был именно Цинь Вань! — больно его задела.

Мо Чжэньчжэнь сразу почувствовала ледяную атмосферу. Те Сюань лишь развёл руками, а когда девушка попыталась расспросить Цинь Ваня, тот лишь вежливо улыбнулся, сослался на усталость и ушёл к себе.

Ночь выдалась тяжёлой для всех. Цинь Ваню до смерти надоело носить маску. Те Сюань ворочался с боку на бок, мучительно соображая, какие слова могли так расстроить друга. А Мо Чжэньчжэнь лишь вздыхала: разрываясь между названным братом и любимым человеком, она страдала больше всех.

Те Сюань гадал, долго ли продлится эта ссора, но на рассвете Цинь Вань вышел к завтраку как ни в чём не бывало. Он уже распорядился насчёт еды и сам разбудил друзей. Слова, что Те Сюань готовил всю ночь, застряли в горле при виде привычной мягкой улыбки Цинь Ваня. Чжэньчжэнь же, решив, что Те Сюань просто сморозил какую-то глупость, не заметив этого, принялась утешать брата: "Не бери в голову, Цинь Вань не из тех, кто копит обиды, вы же лучшие друзья", — от чего Те Сюаню оставалось лишь горько усмехаться про себя.

Водный путь до Лазурного Омута был спокойным. Прозрачная гладь воды едва колыхалась, открывая взору мелькающих в глубине рыб. На реке было куда холоднее, чем на берегу; стоило подуть ветру, как Мо Чжэньчжэнь начала зябко тереть ладони. Заметив это, Те Сюань снял верхнюю одежду и набросил ей на плечи. Цинь Вань тут же отвернулся к воде, погрузившись в свои думы.

Поколебавшись, Те Сюань осторожно присел рядом с другом, почти касаясь его плечом:

— Цинь Вань, ты не замерз?

Прежде чем тот успел ответить, лодочник — крепкий зрелый мужчина — весело рассмеялся:

— Молодые люди, здешние края — не север. У нас холод сырой, влажный, сколько ни надевай — всё без толку. Лучше двигайтесь побольше, кровь разгоните!

Сам он стоял с закатанными штанинами, а на лбу у него поблёскивали капли пота — похоже, работа веслом и впрямь согревала лучше всяких одежд.

Цинь Вань слегка побледнел, он явно страдал от сырости, но его руки, в отличие от покрасневших пальцев Чжэньчжэнь, оставались безупречно белыми, словно выточенными из нефрита.

— Всё в порядке, — небрежно отозвался он.

Цинь Вань был одет легко, и хотя холод пробирал до костей, внутренняя сила защищала его надёжнее любого меха. В отличие от Те Сюаня, который согревался естественным жаром своего могучего тела, Цинь Вань использовал ци.

Когда Те Сюань подсел ближе, Цинь Вань поначалу хотел отодвинуться. Его вчерашнее раздражение было вызвано глупостью друга: Чжэньчжэнь так явно выказывала ему симпатию, а этот чурбан Те Сюань продолжал вести себя как ни в чём не бывало. Но когда Те Сюань, отдав куртку девушке, придвинулся к нему самому, Цинь Ваню стало не по себе. Он почувствовал себя на месте Чжэньчжэнь.

Однако Цинь Вань не отстранился. Тепло, исходившее от Те Сюаня даже сквозь слои одежды, напоминало жар натопленной печи. Это было чертовски уютно. Цинь Вань лишь прикрыл глаза, и так они плыли в молчании, пока лодка не вошла в протоки Лазурного Омута.

Этот городок и впрямь оказался куда меньше прежнего. Стоило свернуть в канал, как простор большой воды исчез, а над головой осталось лишь узкое серое небо. Стены канала, выложенные из массивных замшелых валунов, уходили прямо в воду. По обе стороны теснились скромные жилые дома — здесь не было и тени янчжоуского блеска и суеты, лишь первозданная тишина.

Дома лепились к самой кромке воды, их фундаменты давно покрылись изумрудным бархатом мха, который тянулся вверх до самых резных ставен, туда, где его могло коснуться солнце. Но здесь не было мрачности — напротив, во всём чувствовалась жизнь, бившая ключом благодаря радушию местных жителей.

Прошло немногим больше часа после рассвета. Небо хмурилось, и лишь изредка золотые лучи пробивались сквозь сизую дымку, тут же исчезая в облаках. Несмотря на сырость, женщины на берегу вовсю трудились, стирая бельё. Они с любопытством поглядывали на редких гостей, перешёптываясь между собой. В этот шёпот вплетались звонкие, как трели соловья, голоса молодых девушек. Плеск воды о берег и негромкий говор создавали ощущение глубокого покоя.

На мгновение Те Сюаню показалось, будто он вернулся в родную деревню, а мерный стук, доносящийся откуда-то из глубины городка, — это звон молота мастера Те, ждущего его возвращения.

— Я бы хотел здесь остаться... — прошептал Те Сюань.

— Что?! — Цинь Вань едва не подпрыгнул от изумления. — Ты с ума сошёл? Тут же глушь беспросветная! Ты разве не слышал? Даже за лекарствами им приходится ездить в соседний город...

Лодочнику такие речи пришлись не по вкусу. Он бросил шест, упёр одну руку в бок, а другой указал на каменную стелу в конце канала, на которой было высечено название городка:

— Наш Лазурный Омут мал, да сердца у людей жаркие, а вода сладкая. Заморский гость, мы каждого путника как родного принимаем... А-Ю ведь тоже не наш был. Сам остался, а два года назад и брата своего перевёз.

Мо Чжэньчжэнь оживилась:

— Говорят, этот А-Ю — лекарь?

Лодочник хохотнул:

— Ого, видать, слава об А-Ю и впрямь далеко идёт! Он и вправду врачеватель от бога. Его не только наши старики обожают — даже хозяин самой большой аптеки в Лазурной Реке, дядюшка Ци, хотел его в ученики взять, чтобы всё дело ему передать со временем...

Цинь Вань тонко улыбнулся:

— Что ж, признаю, я был несправедлив. Прошу прощения.

Те Сюань изумился. Цинь Вань всегда был с ним ласков, но за время их пути Те Сюань успел почувствовать, какой гордец скрывается за этой маской. У него на всё был свой взгляд, и чужое мнение он редко принимал в расчёт. Чтобы Цинь Вань вот так просто признал свою неправоту — это было на него совсем не похоже.

Те Сюань, не привыкший искать во всём подвох, решил, что Цинь Вань просто бывает резковат на язык, но в душе искренне о нём заботится. Потому и их дружба крепла с каждым днём.

Лодочнику извинение явно польстило. Он взмахнул рукой:

— Пустое! А-Ю всегда говорит: "И на мудреца бывает прорухка"... или как там...

— "И мудрец может раз ошибиться"? Дядя лодочник, память-то у тебя дырявая! — Мо Чжэньчжэнь, чей весёлый нрав наконец взял верх над недавней грустью, озорно подмигнула.

Мужчина смущённо поскрёб затылок:

— Ха-ха! Семья была бедная, книг я не читал, всё только со слов А-Ю запоминаю. Жаль, брат его, А-Цин, частенько заговаривается... А ведь сказывают, он учёный почище самого лекаря. Не будь он болен, нашим детишкам не пришлось бы нанимать учителей со стороны на деньги

А-Ю.

— Этот лекарь ещё и учителей для ваших детей оплачивает? Видать, человек он состоятельный... — Цинь Вань продолжал улыбаться, но Те Сюань сразу понял: тот снова начал "выуживать" правду.

Лодочник закатал штанины повыше, вогнал шест в илистое дно и с силой толкнул лодку. Судёнышко, до того лениво дрейфовавшее к берегу, стрелой рванулось вперёд.

— Да какое там состояние! Что отец оставил — то и есть. А ведь ему и брата больного содержать надо, и учителям платить... Сам А-Ю в старом ходит, обноски латает. Нам, соседям, совестно стало, вот мы и решили: стирку и еду для братьев на себя взять... — Мужчина ловко привязал канат к причальному кольцу, не поднимая головы. — И всё равно чувствуем, что не отплатить нам за его доброту...

— А-У, кого это ты ещё привез? — К берегу подбежала девочка с на редкость лучистыми глазами. Она придерживала подол юбки, открывая щиколотки, а её лицо светилось таким невинным восторгом, что невозможно было не улыбнуться в ответ.

— А-Ци, ты как услышишь про чужаков, так несёшься, будто золото нашла. Не терпится отцу зятя подыскать? — Лодочник А-У принял от Те Сюаня медные монеты и, не считая, засунул их в кошель, привязанный к трубке.

— Я жду кого-нибудь вроде брата А-Ю — такого же умного и доброго! — А-Ци звонко рассмеялась. Её речи были не по-девичьи смелыми. Она окинула гостей любопытным взглядом, задержавшись на Цинь Ване чуть дольше, чем на остальных, прежде чем отвернуться.

— Ох и бесстыдница! Всё об А-Ю гредишь? К нему немало щеголей из города лечиться приезжает, что ж ты замуж за них не торопишься? — А-У громко расхохотался. Видно было, что такие подначки для них — дело привычное. Он обернулся к гостям: — А-Ци — дочь нашего старосты. Болтает лишнего, но девка справная, из хорошей семьи. Коли кто по сердцу придётся — дерзайте!

— Брат А-У! — А-Ци вспыхнула, её щеки залил густой румянец. — Будешь напраслину возводить — я жене твоей расскажу, как ты в прошлый раз тайком вино у А-Ю таскал!

— Ну всё, всё, молчу! Не вздумай только ей разболтать... А вино-то А-Ю сам мне налил! — А-У поспешно пошёл на попятную.

А-Ци, явно лишь пугавшая его, звонко зашлась колокольчиком смеха.

— Брат А-У, мы ведь тоже к А-Ю пришли, — вставил Те Сюань, выждав, пока поток шуток иссякнет.

— И вы лечитесь? — А-Ци с любопытством оглядела их, опустив подол платья. В ней не было той ледяной красоты Цзи Сяньэр, но она была полна свежести и живого очарования, присущего деревенским девушкам.

— Э-э... нет. Я пришёл навестить его по просьбе старого знакомого, — Те Сюань выбрал самое нейтральное описание, покосившись на спутников.

— О! Что же вы сразу не сказали? Свои люди! Тогда денег не возьму... — А-У хлопнул себя по бедру, сорвал с пояса кошель и принялся вытряхивать монеты, пытаясь всучить их обратно Те Сюаню.

Тот отнекивался, А-У настаивал — началась суета, от которой у Те Сюаня голова пошла кругом. А-Ци лишь стояла в сторонке и заливалась смехом.

Цинь Вань, видя это, подошёл к ним и одним неуловимым движением мягко отстранил лодочника.

— Почтенный, мы не бедствуем. Пришли мы к А-Ю или нет — труд должен быть оплачен. Оставь деньги себе.

А-У изумлённо цокнул языком:

— Парень, а силы-то в тебе немало...

Цинь Вань улыбнулся:

— Приходилось изучать кое-какие приёмы.

— То-то и оно! — А-У не скупился на похвалы. — Выглядишь как учёный книжник, а на деле — не чета А-Ю, который и курицы не обидит. Глаз у меня замылился, не признал мастера...

А-Ци хихикнула:

— Брат А-У, шёл бы ты домой. Я по дороге твою жену встретила, она всё ворчала: чего это благоверный из города не возвращается, уж не заглянул ли к какой вдовушке беспутной...

— Вот ведь ведьма, языкастая... — Лицо А-У потемнело, и он припустил к дому так, что пятки засверкали. На бегу он крикнул: — А-Ци, проводи гостей к А-Ю!

— Слушаюсь! — нараспев отозвалась девочка. Дождавшись, пока фигура лодочника скроется из виду, она обернулась и лукаво подмигнула: — Пойдёмте, гости дорогие, я отведу вас к брату

А-Ю.

Спутникам Те Сюаня ещё не доводилось плутать по закоулкам водного края. А-Ци вела их вперёд, но улочки были так узки, что двое едва могли разойтись. Стены домов вздымались ввысь, оставляя над головой лишь тонкую полоску неба, и внизу царил полумрак. Масляные лампы на стенах встречались редко, и непривычному человеку идти было нелегко. К счастью, путь оказался недолгим, и после того, как Мо Чжэньчжэнь пару раз оступилась, они наконец вышли к дому А-Ю.

Это была самая обыкновенная хижина, но стояла она на самом берегу протоки. Цинь Вань и Те Сюань переглянулись — они поняли, что А-Ци их просто "прокатила" кругами по задворкам.

Заметив их ошарашенные лица, девочка лишь хихикнула, подбежала к дверям и принялась колотить в них что есть силы:

— Брат А-Ю! К тебе гости!

Дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял молодой человек с выражением лёгкого обречения на лице:

— А-Ци, опять ты за своё... Я слышал, что кто-то идёт, а ты, проказница, их такими кругами вела...

А-Ци надула губки:

— Брат А-Ю, это всё А-Цин! Он сказал, что те, кто приходят по делу — злые люди, и велел их немного помучить...

— Ох, горе моё... Ты же знаешь, что он сейчас как дитя, а сама туда же... — Молодой человек покачал головой. Проводив взглядом смеющуюся А-Ци, он повернулся к Те Сюаню и его друзьям.

На нём был длинный халат из грубой светло-зелёной ткани, волосы были аккуратно собраны на макушке и заколоты — вопреки простому наряду — дорогой заколкой из тёмного золота, открывающей изящную шею. Под халатом виднелась простая рубаха с воротником, отороченным коротким серым мехом. У него был чуть заострённый подбородок и черты лица, в которых сквозило нечто неземное. На первый взгляд он не казался ослепительным красавцем, и даже мог разочаровать случайного прохожего, но его глаза... Они приковывали взгляд. Глубокие, затаённые, они манили к себе, обещая раскрыть великую тайну. Стоило присмотреться, как становилось ясно: он и впрямь удивительно хорош собой, статен и полон того безмятежного достоинства, что присуще лишь небожителям.

Те Сюань застыл, не в силах отвести глаз. В душе он невольно ахнул: "Так вот кого любил старый мастер Цяньфошоу!" Этот А-Ю и впрямь напоминал сошедшего на землю бессмертного — такой же чистый и прекрасный, как Цинь Вань.

А-Ю хранил молчание, слегка нахмурившись:

— Кто вы? Я не припомню за собой старых долгов или друзей...

<http://bllate.org/book/17419/1657624>